

УДК 811.112.2'37

ИЛЛОКУТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРВОЛИЧНЫХ ДЕОНТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

А. В. СЫТЬКО¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Исследованы иллокутивные характеристики перволичных деонтических конструкций. Проведен анализ с привлечением двух языков – немецкого и русского, в корпусах которых самыми частотными являются перволичные конструкции. Показана частотность функционирующих в данных модальных конструкциях пропозициональных глаголов разных типов. Отмечено, что отличия, обнаруженные в системе деонтических маркеров, не оказывают значительного влияния на прагмасемантику модального высказывания в двух языках, но в русском – они позволяют нюансировать его иллокутивные характеристики. На основании методологического критерия соблюдения условий успешности речевых актов выявлена коммуникативная направленность такого высказывания с перволичным деонтическим субъектом, представленным двумя типами. Описана функционально-семантическая вариативность данных конструкций. Определены факторы, обуславливающие формирование прагматической семантики конструкций с перволичным субъектом двух типов (*я – мы*). Доказано, что традиционно приписываемая деонтическим конструкциям директивность реализуется только в случае инклюзивного *мы*-субъекта. Продемонстрирована зависимость функциональной семантики перволичной конструкции и семантического типа пропозиционального глагола. Выявлен специфический характер реализации определенных иллокуций (комиссивной, интеррогативной). Показано, что предлагаемый прагматический подход позволяет выявить семантическое разнообразие модальных конструкций.

Образец цитирования:

Сытько АВ. Иллокутивные характеристики перволичных деонтических конструкций (на материале русского и немецкого языков). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;3:52–64.

For citation:

Sytko AW. Illocutive characteristics of deontic *I-* and *We-* constructions (based on the material of the Russian and German). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;3: 52–64. Russian.

Автор:

Анна Васильевна Сытько – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка факультета немецкого языка.

Author:

Anna W. Sytko, PhD (philology), docent; head of the department of German phonetics and grammar, faculty of German language. sytko.mglu@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8301-0815>

Ключевые слова: деонтика; иллокутивные характеристики; иллокуция; модальный/деонтический источник; модальный/деонтический субъект; деонтический маркер; пропозициональный глагол; прагматический подход.

ІЛАКУТЫЎНЫЯ ХАРАКТАРЫСТЫКІ ПЕРШААСОБНЫХ ДЫЯНТЫЧНЫХ КАНСТРУКЦЫЙ (НА МАТЭРЫЯЛЕ РУСКАЙ І НЯМЕЦКАЙ МОЎ)

Г. В. СЫЦЬКО^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт,
вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Даследаваны ілакутыўныя характарыстыкі першаасобных дыянтычных канструкцый. Праведзены аналіз з прыцягненнем дзвюх моў – нямецкай і рускай, самымі частотнымі ў карпусах якіх з’яўляюцца першаасобныя канструкцыі. Паказана частотнасць функцыянуючых у дадзеных мадальных канструкцыях прапазіцыйных дзеясловаў розных тыпаў. Адзначана, што адрозненні, знойдзеныя ў сістэме дыянтычных маркераў, не аказваюць значнага ўплыву на прагмасемантыку мадальнага выказвання ў дзвюх мовах, але ў рускай – яны дазваляюць нюансаваць яго ілакутыўныя характарыстыкі. На падставе метадалагічнага крытэрыя выканання ўмоў паспяховасці маўленчых актаў выяўлена камунікатыўная скіраванасць мадальнага выказвання з першаасобным дыянтычным суб’ектам, прадстаўленым двума тыпамі. Апісана функцыянальна-семантычная варыяцыйнасць дадзеных канструкцый. Вызначаны фактары, якія абумоўліваюць фармаванне прагматычнай семантыкі канструкцый з першаасобным суб’ектам двух тыпаў (*я – мы*). Даказана, што дырэктыўная семантыка, традыцыйна прыпісваемая дыянтычным канструкцыям, рэалізуецца толькі ў выпадку інклюзіўнага *мы*-суб’екта. Прадэманстравана залежнасць функцыянальнай семантыкі першаасобнай канструкцыі і семантычнага тыпу прапазіцыйнага дзеяслова. Выяўлены спецыфічны характар рэалізацыі пэўных ілакуцый (камісіўнай, інтэрагатыўнай). Паказана, што прапанаваны прагматычны падыход дазваляе выявіць семантычную разнастайнасць мадальных канструкцый.

Ключавыя словы: дыёнтыка; ілакутыўныя характарыстыкі; ілакуцыя; мадальная/дыянтычная крыніца; мадальны/дыянтычны суб’ект; дыянтычны маркер; прапазіцыйнальны дзеяслоў; прагматычны падыход.

ILLOCUTIVE CHARACTERISTICS OF DEONTIC I- AND WE-CONSTRUCTIONS (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND GERMAN)

A. W. SYTKO^a

^aMinsk State Linguistic University,
21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The paper analyses the illocutionary characteristics of deontic *I*- and *We*-constructions. The analysis is carried out based on two languages, German and Russian. It is noted that deontic *I*- and *We*-constructions are the most frequent in the corpora of two languages. It is shown that different semantic types of propositional verbs functioning in these modal constructions have different frequency in the corpora of two languages. It is noted that differences in the system of deontic markers do not have a significant impact on the pragmasemantics of modal utterance in two languages, but they make it possible in Russian to nuance its illocutionary characteristics. Based on the methodological criterion of compliance of the felicity conditions the communicative orientation of the modal utterance is revealed. The functional variability of these constructions is described. The factors are determined that determine the formation of pragmatic semantics of constructions with the modal subject of two types (*I* – *We*). It is proved that the directive semantics traditionally attributed to deontic constructions is realised only in the case of an inclusive *We*-subject. It is shown that the functional semantics of the *I*- and *We*-constructions depends on the semantic type of the propositional verb. It is revealed that certain illocutions (commissive, interrogative) has specific realisation nature. It is shown that the proposed pragmatic approach makes it possible to reveal the pragmasemantic diversity of modal utterance.

Keywords: deontic; illocutionary structure; illocutionary characteristics; modal/deontic source; modal/deontic subject; deontic marker; propositional verb; pragmatic approach.

Введение

Модальность можно рассматривать как «центральный организующий принцип в языке»¹ [1, р. 2]. Обратимся к исследованию деонтической модальности.

Ученые с различных позиций рассматривают деонтическое суждение-высказывание, а также его семантику. Логический (логико-семантический) подход ограничивается анализом высказываний с точки зрения операторов «обязательно», «разрешено», «запрещено», которые выражают то или иное свойство действия согласно норме, применяемой в определенной ситуации [2; 3; 4, S. 27]. Структурно-грамматическое рассмотрение позволяет проанализировать значение с учетом грамматических особенностей модального высказывания (например, темпоральных и видовых характеристик его компонентов и т. д.) [5–7; 8, с. 214–218]. Семантический подход, отталкиваясь от системы употребления деонтических маркеров, обнаруживает различные частные деонтические значения [9–15].

Сложность выявления семантики модального высказывания ставит перед лингвистом непростую задачу, решение которой должно, как отмечает И. Б. Шатуновский, «привести бесконечно разнообразный и бесконечно изменчивый мир явлений к конечному числу» [9, с. 16]. Мы останавливаемся на изучении деонтического высказывания с позиции прагматического подхода, который позволяет выявить его иллокутивную структуру, поскольку речевая практика заставляет ученых искать ответ на вопрос о том, каков механизм образования различных деонтических смыслов при использовании одной и той же языковой конструкции в различных коммуникативных ситуациях. Это, в свою очередь, обуславливает обращение к рассмотрению пропозиционального и модального содержания высказывания в единстве с его интенцией. Такой комплексный подход к семантике модального высказывания соответствует запросам современной лингвистической парадигмы в ее поиске ответов на вопрос как о формировании смыслов высказывания, так и о его коммуникативной направленности и иллокутивной силе.

В европейских языках ядерным средством выражения деонтической модальности выступает *деонтическая конструкция*, которая представляет собой лексико-синтаксическую структуру, являющуюся семантическим целым. В состав этой конструкции включаются обязательные и факультативные компоненты. Деонтический субъект, деонтический маркер, или деонтический предикат, эксплицирующий модальность, и инфинитив пропозиционального глагола, обозначающий действие, которое призвано изменить положение вещей, являются обязательными компонентами. В деонтической конструкции используются инфинитивы глаголов, которые можно объединить в несколько семантических групп, указывающих на следующие контролируемые и неконтролируемые действия и состояния: поведенческие (*ты должен пойти* домой, *надо мыть* руки, *необходимо создавать* рабочие места); ментальные (*я должен подумать*, *тебе необходимо верить*, *нам надо знать*); эмоциональные (*тебе следует гордиться*, *вы должны радоваться*) и коммуникативные (*я должен отметить*, *ты должен сказать*). В качестве факультативных компонентов выступают различные вербализаторы дополнительных смыслов: интенсификаторы, оценочные маркеры, показатели уступки и контраста и т. п.

На формирование иллокутивной направленности деонтического высказывания оказывает влияние любой компонент деонтической конструкции. Их многообразие позволяет обслуживать многоплановые коммуникативные практики в различных сферах. Именно поэтому чрезвычайно важна разработка вопросов, связанных с установлением и описанием функциональной семантики, или прагматики, модального высказывания с учетом его семантико-структурных особенностей, а также его употребления в различных контекстах. При этом наибольшее воздействие на прагматику конструкции оказывает тип *деонтического субъекта*. Это конкретный или потенциальный исполнитель пропозиционального действия, которому внешние или внутренние силы предписывают, что должно осуществиться. Набор субъектов весьма вариативен и включает такие его типы, как конкретный (перволичный *я*, второличный *ты/вы* в роли актуального слушателя), обобщенный (перволичный *мы*; второличный *вы*; *те*, *кто*), генерализованный (*все*, *каждый/любой*), неопределенный (*кто-то*). В прототипической ситуации в роли субъекта деонтики выступает актуальный слушатель, адресат. В непрототипической им является некий одушевленный субъект, который в состоянии выполнить указываемое в пропозиции действие.

Цель данной работы – выявить иллокутивные характеристики перволичных деонтических конструкций с различными семантическими типами пропозиционального глагола. К рассмотрению иллокутивных характеристик мы подходим с позиции теории речевых актов, изложенной Дж. Р. Серлем. По его мнению, речевые акты характеризуются иллокутивной силой – коммуникативным намерением, которое лежит в основе *произнесения* того или иного высказывания. Характер иллокутивной силы является основополагающим в базовой классификации речевых актов (репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларации) [16].

¹Здесь и далее перевод наш. – А. С.

Материалы и методы исследования

Перволичные конструкции, в которых отмечается кореферентность говорящего и субъекта деонтики, характеризуются наибольшей употребительностью в речи. Так, основываясь на данных НКРЯ и DWDS, выявлено, что перволичные конструкции составляют в обоих языках более 2/3 каждой языковой выборки, которая, включая конструкции с субъектами всех типов, составляет 97 600 вхождений из корпуса русского языка и 401 800 вхождений из корпуса немецкого языка.

Отметим, что деонтический субъект может быть как выражен в поверхностной структуре, так и не эксплицирован, будучи легко восстанавливаемым из контекста. Такое опущение может иметь причины стилистического характера.

– Д-да... Серьёзные. Но ты не морочь себе голову... я разберусь... как-нибудь. **Мне надо подумать... хорошо подумать. Как следует. Ты меня извини, милый, я пойду к себе. Нужно сосредоточиться и разобраться** (НКРЯ; Белоусова В. Второй выстрел. 2000).

Для демонстрации количественной представленности отбирались высказывания только с представленным в формально грамматической структуре модальным субъектом.

В немецком языке деонтический субъект совпадает с грамматическим подлежащим и его замена на безличную форму *man muss* возможна только в конструкциях с перволичным субъектом и коммуникативным глаголом, указывающим на актуальность речевого действия: *man muss sagen, dass...* Здесь исполнителем может быть только говорящий. В иных случаях данная грамматическая форма указывает на неопределенный субъект деонтики. Сравним примеры из параллельного корпуса НКРЯ:

Снегирев, похоже, чокнулся. Надо что-то с ним делать (Сорокин В. Г. Путь Бро. 2004) – *Dieser Snegirjow scheint übergeschnappt zu sein. Wir müssen etwas tun* (Übersetzer A. Tretnier. 2007).

«Gwen, **wir müssen uns beeilen**», sagte sie (Gier K. Smaragdgrün. 2010) – *Гвен, нам надо поспешить*, – сказала она (пер. С. Вольштейн. 2013).

Лексико-синтаксическая структура деонтических конструкций в европейских языках отличается незначительно, что позволяет предположить, что прагматика деонтического высказывания не будет демонстрировать существенных расхождений. Обращение к двум языкам обусловлено тем, что система модальных маркеров обнаруживает определенные расхождения как в количественном плане, так и в качественном отношении, что может оказывать влияние на прагмасемантические характеристики модального высказывания. Так, в русском языке количество деонтических единиц (*должен, обязан, вынужден, необходимо, надо, нужно, следует, нельзя не, приходится*) значительно превосходит представленные в немецком языке деонтические лексемы (*müssen, sollen, notwendig sein*). Следует также отметить широкий диапазон выражаемых деонтических смыслов и, соответственно, прагматических нюансов указанными в русском языке единицами. Кроме этого, характерной чертой русского языка является существование безличных модальных предикативов. В таком случае модальный субъект выражается в косвенно-падежной форме дативным субъектом (*нам надо*), что накладывает определенный семантический отпечаток на модальную семантику [5, с. 60; 17, с. 33–37].

Перволичный субъект представлен двумя типами: 1-м лицом единственного числа (*я*), совпадающим с субъектом речи, и 1-м лицом множественного числа (*мы*), когда говорящий включен в некоторую совокупность лиц. Корпусные данные свидетельствуют о преобладании в русском языке конструкций с *я*-субъектом, в отличие от немецкого, где доминируют *мы*-конструкции (табл. 1).

Таблица 1

Частотность перволичных конструкций с различными семантическими типами пропозициональных глаголов в национальных корпусах немецкого и русского языков

Table 1

Frequency of *I*- and *We*-constructions with different semantic types of propositional verbs in the national corpora of the German and Russian languages

Субъекты	Количество вхождений	Семантический тип глагола				Всего
		Коммуникативный	Поведенческий	Ментальный	Эмоциональный	
Я-субъект единственного числа (НКРЯ)	Общее, ед.	24 710	20 190	1000	100	46 000
	Относительное, %	53,7	43,9	2,2	0,2	100

Окончание таблицы 1
Ending table 1

Субъекты	Количество вхождений	Семантический тип глагола				Всего
		Коммуникативный	Поведенческий	Ментальный	Эмоциональный	
Я-субъект единственного числа (DWDS)	Общее, ед.	14 038	66 390	1600	50	82 078
	Относительное, %	17,1	80,9	1,9	0,1	100
Мы-субъект множественного числа (НКРЯ)	Общее, ед.	940	14 770	1020	50	16 780
	Относительное, %	5,6	88	6,1	0,3	100
Мы-субъект множественного числа (DWDS)	Общее, ед.	2340	151 268	3000	20	156 628
	Относительное, %	1,8	96,1	2,2	0,01	100

В перволичных структурах отмечается разнообразие функционирующих семантических типов пропозициональных глаголов, которые, однако, в рассматриваемых языках представлены с различной частотностью. В русском языке более половины выборки с *я*-субъектом составляют конструкции с коммуникативными глаголами. В немецком языке с субъектом в 1-м лице единственного числа (*ich*) доминируют конструкции с поведенческими глаголами, конструкции с коммуникативными глаголами занимают второе место, представляя, однако, менее 1/5 выборки перволичных *ich*-конструкций. *Мы*-конструкции характеризуются в обоих языках преимущественным употреблением в них поведенческих глаголов. Конструкции с ментальными глаголами отличаются в обоих языках невысокой употребительностью. Структуры с эмоциональными глаголами отмечаются лишь спорадически.

Далее с привлечением функционально-семантического анализа и метода трансформаций проанализируем иллокутивную структуру деонтических высказываний в зависимости от типа перволичного субъекта (*я* – *мы*) и пропозиционального глагола. Источниками примеров послужили контексты из корпусов НКРЯ и DWDS. В настоящей работе используется методологический критерий соблюдения следующих условий успешности речевых актов: подготовительные, или предварительные; существенные, или условия назначения; условия искренности.

Потенциальность действия, а также обязательность его выполнения позволяют лингвистам отмечать, что деонтика соотносится с иллокуцией, ориентированной на действие [13, S. 58]. В свою очередь модальные предикаты «указывают на действие/состояние, которое должно стать результатом речевого акта» [18, S. 36]. При этом подчеркивается, что «значение деонтической необходимости составляет зону пересечения функционально-семантических полей предметной и императивной модальности» [19, с. 77], иными словами, между деонтикой и директивностью ставится знак равенства. Однако в случае перволичных конструкций директивная прагматика не реализуется. Так, прагматический анализ позволяет обобщить вариативные иллокутивные характеристики перволичных деонтических конструкций (табл. 2).

Таблица 2

Иллокутивные характеристики перволичных деонтических высказываний с разными семантическими типами пропозиционального глагола

Table 2

Illocutionary characteristics of deontic utterances with modal I- an We-subject with different semantic types of propositional verb

Семантический тип инфинитива	Иллокуция			
	Репрезентатив <i>я/мы</i>	Экспрессив <i>я/мы</i> _{инк} / <i>мы</i> _{экс}	Директив <i>я/мы</i> _{инк} / <i>мы</i> _{экс}	Интеррогатив <i>я/мы</i> _{инк} / <i>мы</i> _{экс}
Коммуникативный	+ / +	+ / + / –	– / + / –	–
Поведенческий	+ / +	–	–	–
Ментальный	+ / +	–	+ * / + * реквестив / –	+ * / + * / –
Эмоциональный	+ / +	–	–	–

Примечание. Инк – инклюзивное; экс – эксклюзивное; * только с определенной группой ментальных глаголов, описанных далее в статье (ниже детально рассмотрены факторы и условия реализации данных иллокуций).

Репрезентативность перволичных конструкций

Коммуникативной целью любых перволичных конструкций, независимо от типа деонтического субъекта (*я/мы*), является сообщение об обязательности осуществления действия (*я должен сделать / ich muss erledigen*) или о необходимости достижения определенного состояния (например, ментального или эмоционального: *я должен (ему, в это) верить / ich muss (ihm, daran) glauben*; *я должен подумать / ich muss es mir überlegen*). Действия и состояния призваны изменить текущее положение, они требуются для планирования ситуации, для комфортного существования говорящего и его окружения.

Анализ выполнения перволичными конструкциями условий успешности репрезентативов показывает, что оба предварительных условия последовательно реализуются. Первое предварительное условие создается деонтическим источником, благодаря которому говорящий имеет основание считать пропозицию *p* (выраженное инфинитивом действие) достоверной, поскольку верифицировать пропозицию *p* можно только на основании причины, требующей изменения положения дел: *есть причина, которая требует от меня действия, о котором я сообщаю*.

– *А теперь, друзья мои, – он вынул карманные часы и поглядел на них, – вы извините меня, если я пойду на минутку к себе. Едва на ногах держусь, а мне надо просмотреть два дела* (НКРЯ; Куприн А. И. Гранатовый браслет. 1911).

С точки зрения говорящего содержание деонтического суждения представляется новым для адресата, что соответствует второму предварительному условию репрезентативов. Для говорящего неочевидно, что слушающий знает, что деонтический источник входит в пресуппозицию коммуникантов и может быть не назван, и требует от адресанта выполнения некоего действия.

– *Куда? – спросил он, тоскливо трезвея. – Мне надо идти, – ответил я, продолжая заправлять кашне* (НКРЯ; Искандер Ф. Путь из варяг в греки. 1990).

Ярким примером реализации репрезентативности выступают перволичные конструкции с коммуникативными глаголами. В случае актуальности действия данные структуры оформляют специфическую разновидность перформативов – деонтически модализованных, подчеркивающих важность того, что сообщается в пропозиции коммуникативного глагола: *я должен / мы должны / надо сказать, подчеркнуть / ich muss / man muss / wir müssen sagen, betonen* и т. п.

«*Wie gefällt Ihnen der Film denn?*» – Helene Fischer: «**Ich muss sagen**, der Film bringt alles schön auf den Punkt» (DWDS; Die Zeit. 2013. 8 Mai (online)) «Как вам фильм?» – Хелена Фишер: «Я должна сказать, что фильм хорошо помогает понять суть».

Wir müssen gestehen, bei der 200-Euro-Frage wären wir gescheitert (DWDS; Die Zeit. 2011. 18 Nov. Nr. 47) «Мы должны признать, что мы не смогли бы решить вопрос о 200 евро».

Und ich muss gestehen, eigentlich hätte ich mit mehr gerechnet (DWDS; Die Zeit. 2016. 27 Oct. (online)) «И я должен признать, что ожидал большего».

Условие перформативности реализуется посредством наличия вводимого модальной конструкцией дополнительного придаточного изъяснительного с союзной и бессоюзной связью. Сравним: *я должен сказать, что это правда – я должен сказать правду*.

Данные конструкции, благодаря различным коммуникативным глаголам, которые напрямую коррелируют с обозначаемыми ими иллокутивными действиями, отличаются широтой семантического диапазона, реализуя репрезентативы различной иллокутивной силы (сообщение, констатация, утверждение, заявление). Сравним: *я должен сказать, сообщить, констатировать, заявить, отметить, заметить / ich muss sagen, mitteilen, feststellen, erklären, bemerken, hinweisen, erwähnen* и др. Кроме этого, перволичные конструкции оформляют репрезентативы признания и согласия: *я должен признать / ich muss zugeben (gestehen, akzeptieren)*; *я должен согласиться / ich muss zustimmen (zusagen)*.

Перформативные деонтические конструкции в обоих языках демонстрируют, однако, некоторые отличия в употребительности. Частотность перформативных конструкций с *мы*-субъектом оказывается невысокой (5,6 % в русскоязычной выборке и 1,8 % в немецкоязычной (см. табл. 1)), поскольку их сферой употребления является институциональная речевая практика. Предсказуемо, что наиболее частотно в корпусной выборке немецкого и русского языков представлены «нейтральные» репрезентативы с глаголом *сказать/sagen* (40 % от выборок конструкций с коммуникативными глаголами). Любопытно отметить, что в немецком корпусе в 2,5 раза чаще, чем в русском языке отмечаются репрезентативы признания, они составляют треть немецкой выборки с коммуникативными глаголами, в русском языке лишь 1/10. При этом в немецком языке данные перформативы фиксируются преимущественно с *мы*-субъектом.

Отметим, что в случае отсутствия актуального действия конструкции с коммуникативными глаголами реализуют «чистую» репрезентативность и не являются перформативами. Сравним: *сейчас мы должны заявить, что... – завтра на занятиях / в следующий раз мы должны сообщить, что...* Это касается также неперформативных конструкций с такими коммуникативными глаголами, как *рассказать, поговорить, пообщаться / reden, sprechen, erzählen* и т. п.

Репрезентативная семантика перволичной конструкции делает возможным осложнение ее модально-прагматического плана аксиологическим значением, что происходит в случае специальных деонтических лексем (*вынужден* и *приходится*), присутствующих в системе модальных маркеров русского языка.

Но было бы ещё приятнее, если бы ты не пачкала так свои вещи. Стирать-то мне приходится. Между прочим, кто уважает других людей, тот ценит их труд (НКРЯ; Ермильченко Н. Колыбельная. Мурзилка. 2000).

Через полчаса мне придется уйти, я не могу опаздывать (НКРЯ; Маринина А. Последний рассвет. 2013).

Естественно, что нам приходится работать при большом внимании общественности. Хотя на самом деле для нас это рядовой вариант (НКРЯ; Дудь Ю., Марущак В. «Дела Сычева» возникают регулярно. Известия. 2002. 30 окт.).

Расширение репрезентативной семантики становится возможным также благодаря факультативным компонентам, а именно маркерам эмотивной оценки (*к сожалению / leider*), которые поддерживают свидетельствующую о принуждении к действию семантику деонтического предиката, конкретизируя ее.

К сожалению, мы вынуждены оставить в стороне и всю технику этой процедуры, и ее содержательные аспекты... (НКРЯ; Рахилина Е. В. Когнитивная семантика. История. Персоналии. Идеи. Результаты. 1999).

«Im Hühnerhof hat die Küchenschabe nichts verloren – wir müssen leider draußen bleiben», witzeln die Vertreter des «Global Forum», des Gegen-Gipfels der Nicht-Regierungs-Organisation (DWDS; Die Zeit. 1992. 15 Mai. Nr. 21) «Таракану на птичьем дворе нечего делать – мы, к сожалению, вынуждены оставаться на улице», – шутят представители «Глобального форума», контрсаммита неправительственной организации».

Сообщая о своей необходимости выполнить определенные действия, говорящий может тем самым воздействовать на поведение собеседника, т. е. репрезентатив используется в иной функции: говорящим вербально выражена одна коммуникативная цель, а конвенционально подразумевается другая. Например, перволичное высказывание может выступать в качестве косвенного извинения:

– Домой мне надо, Люба. – Делай как нужно. Я тебе ничего не говорю (НКРЯ; Шукшин В. Калина красная. 1973);

а также как отказ, косвенная просьба:

– У вас не будет никакого рейтинга и никакой доли. Я понятно объяснил?

– Нам надо подумать, – директор был серьезен. – Сколько у нас времени?

– До пяти (НКРЯ; Голицын А. А. Ящик. История одного шоу. Волга. 2009).

В данной работе мы останавливаемся только на внутренней прагмасемантической структуре модального высказывания, косвенные речевые акты не рассматриваются.

Коммуникативные глаголы благодарности и извинения позволяют перволичным конструкциям реализовывать также **экспрессивную** иллокуцию: *я должен (мы должны) поблагодарить, извиниться / ich muss mich (wir müssen uns) bedanken, entschuldigen*. Экспрессивные акты, выраженные перволичными деонтическими конструкциями, не являются в корпусах частотными и составляют менее 1 % конструкций с коммуникативными глаголами.

Интеррогативно-реквестивная семантика перволичных конструкций

При наличии актуального слушателя перволичные конструкции с обоими типами перволичного субъекта благодаря ментальным глаголам – *знать/wissen/kennen, знать/убедиться/wissen, решить/entscheiden, понять/понимать/begreifen/verstehen, обдумать/überlegen, разобраться* – реализуют интеррогативно-реквестивную семантику, побуждая адресата устранить информационную лакуну говорящего: *я должен / мы должны знать, понять, решить = скажи(-те) / ответь(-те)*. Соблюдается условие успешности вопроса: говорящий не знает ответа и нуждается в получении сведений. Условия

искренности (говорящий хочет знать) и предварительные условия вопроса выполняются. Для адресанта информирование является релевантным, бенефактивным. Говорящий считает, что слушающий должен сказать, а адресат – ответить, но при отсутствии директива он не будет этого делать.

– *Мы же с тобой беседуем просто по-дружески, верно? И всего-то нам надо знать, с кем и когда твой приятель Скок ушел с твоей вечеринки. – А я помню?* – грубовато буркнул Гайворонский (НКРЯ; Макеев А., Леонов Н. Гроссмейстер сыска. 2003).

Интеррогативный характер деонтической конструкции может быть подчеркнут при использовании данной модальной конструкции в вопросе:

Но я не могу осознать всего случившегося. Я должен знать – за что? Я должен знать – когда это случилось? Был ли суд над сыном, или не было суда? (НКРЯ; Шмелев И. С. Письма А. В. Луначарскому. 1920–1921).

Интеррогативность деонтического высказывания может обогащаться реквестивностью различной степени благодаря включению в состав конструкций наречий положительной оценки (*твердо, точно, достоверно* (я должен / мне нужно точно знать, что случилось)), темпоральных наречий (*сегодня, срочно* и т. п.), а также модальных наречий категорической достоверности (*действительно/unbedingt* ‘обязательно, при любых условиях’), эмфатизации деонтического высказывания (перевод в восклицание), синтаксическому повтору деонтической конструкции (*Мне надо знать, что происходит! Мне надо это знать!*), императиву речевого глагола, сопровождающему деонтическое высказывание в пре- или постпозиции (*Скажи! Я должен знать*).

Иллокутивные осложнения конструкций с я-субъектом

Репрезентативно-интеррогативная семантика. В монологической речи при наличии в высказывании придаточного изъяснительного, а также в диалоге, если модальное высказывание непосредственно не обращено к адресату, первоначальные конструкции с ментальными глаголами и субъектом 1-го лица единственного числа реализуют репрезентативность с оттенком интеррогативности, указывающей на размышления говорящего (вопрос, заданный самому себе; сомнение, требующее устранения; предположение, ищущее подтверждения).

Wenn ich wechsele, muss ich davon zu 100 Prozent überzeugt sein. Ich muss wissen: Das passt auf allen Ebenen (DWDS; Die Zeit. 2015. 27 Juli (online)) ‘Если я меняю, я должен быть уверен в этом на 100 процентов. Мне нужно точно знать, что это работает на всех уровнях’.

Ich muss wissen, dass ich Herr im eigenen Haus bin (DWDS; Die Zeit. 2013. 6 Dec. (online)) ‘Я должен быть уверен, что я хозяин в своём доме’.

Квзидирективные оттенки первоначального высказывания. Деонтическое высказывание имеет путативный характер и является умозаключением, или мнением, говорящего о необходимости действий, которая обусловлена различными модальными источниками, релевантными для признания пропозиции достоверной. Они имеют вариативный характер с точки зрения жесткости предписания. Очевидно, что оценка обязательности действий, обусловленных такими жестко прескриптивными универсальными источниками, как институциональные предписания, волеизъявление 3-го лица, моральный долг, является категоричной, в отличие от действий, детерминированных следующими ситуативными факторами: социальными нормами и правилами, социальным положением говорящего, сложившимся положением дел, договоренностью, наличием цели. Сравним:

Видите ли, – внушительно заговорил Поплавский, – я являюсь единственным наследником покойного Берлиоза, моего племянника, погибшего, как известно, на Патриарших, и я обязан, согласно закону, принять наследство, заключающееся в нашей квартире номер пятьдесят... (НКРЯ; Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. 1929–1940);

Нравственный закон говорит мне, что я обязан поступать определенным образом... (НКРЯ; Худиев С. Л. Наука и происхождение морального закона. 2010);

– *Мне надо еще Стасову учебник отвезти, Кузьмич попросил, ему самому не с руки...* (НКРЯ; Маринина А. Последний рассвет. 2013);

Они сочли, что я должен заняться техникой речи, привыкнуть разговаривать с публикой. <...> Дальше Арнольд с отцом решили, что мне надо больше разговорной практики (практиковаться. – А. С.) (НКРЯ; Кио И. Э. Иллюзии без иллюзий. 1995–1999);

Aber ich muss das als Bürger ja mitfinanzieren (DWDS; Die Zeit. 2017. 18 Sept. (online)) ‘Но как гражданин я обязан помочь финансировать это’;

«*Я должен знать архитектуру человека, – писал художник, – его пропорции, костяк и мускулатуру*» (НКРЯ; Роньшин В. Аркадий Петрович Чесноков-Богданов. Сибирские огни. 2013).

Интерпретация источника как жестко/нежестко обязующего зависит также от убеждений и морально-этических, идеологических, ценностных установок говорящего [ср.: 20, с. 421], что позволяет ему смещать семантику перволичной конструкции в ту или иную зону директивности (прескриптивности или суггестивности).

Следует, однако, помнить, что деонтический источник выступает не речевым каузатором, а нелингвистическим фактором, обуславливающим обязательность действия. Несмотря на так называемое предписание деонтического источника, перволичное высказывание не выполняет условий успешности директива. Акт речевой каузации действия отсутствует: у перволичного высказывания нет цели побудить адресата к действию, поскольку исполнителем предписываемого действия не является адресат высказывания. Следовательно, условие искренности директива не реализуется: деонтическое высказыванием не связано с намерением говорящего побудить адресата, оно только сообщает слушателю/читателю новую информацию. Трансформация модальной конструкции в императив невозможна: *я должен сделать* ≠ *я говорю самому себе: делай*, что позволяет утверждать, что репрезентативная семантика перволичных конструкций лишь обогащается квазидирективными оттенками.

Подчеркнем, что в условиях автодиалога перволичные высказывания выступают категоричным прямым директивом, где говорящий является одновременно и самоубеждающим субъектом речи, и убеждаемым адресатом.

Вот у меня в руке карандаш. Я вижу эту линию. Мне нужно просто в точности так же нарисовать (возьми и нарисуй. – А. С.) *Я же её вижу! И не могу. Значит, мои руки – это не я* (НКРЯ; Гришковец Е. ОднорЕмЕнно. 2004).

При изменении формы речи, однако, эффект самоубеждения, как и директивность, нивелируется.

– *Вы получали предложения от какой-либо политической партии поддержать её на предстоящих выборах?*

<...>

– *Необходимо провести реформу социальной сферы, завершить работу над Трудовым кодексом, в общем, я должен закончить ту работу, из-за которой пришёл в Минтруд. А будучи депутатом, это сделать гораздо сложнее* (НКРЯ; Карпова О. Александр Починок: «Концепция льготного государства бессмысленна». Время МН. 2003. 31 июля).

Квазисуггестивный оттенок, обогащающий репрезентативность, возникает у модального высказывания только в случае, если говорящий воспринимает выполнение необходимого действия, требуемого источником, как выгодное для себя и у него есть соответствующее желание осуществить данное действие, т. е. контекст указывает на семантику воликативности: *мне надо закончить работу сегодня, тогда мне на этой неделе оплатят ее*.

– *Вовочка, давай погуляем вдвоём, смотри – на улицах огни, тепло.*

– *Я должен позаниматься, у меня через два дня концерт* (НКРЯ; Спивакова С. Не всё. 2002).

Бенефактивность чаще всего обусловлена целеполаганием:

Теперь, чтобы его простить, мне нужно его понять (НКРЯ; запись «LiveJournal». 2004).

Такое взаимодействие семантики обязательности действия с субъектной сферой говорящего, со сферой его интересов [ср.: 11, с. 173; 21, с. 327] отмечается в русском языке в дативных безличных неперформативных конструкциях с коммуникативными глаголами типа *мне надо с тобой поговорить* и в перволичных конструкциях с ментальными глаголами.

Хорошо, что я вас встретил, – сказал Мостовской. – Мне надо поговорить с вами (НКРЯ; Гроссман В. Жизнь и судьба. Ч. 1. 1960).

Мне нужно подумать о том, стоит ли раскрывать эту информацию – в нашей стране бизнесмены, по большому счёту, ничем не защищены (НКРЯ; Вами кто владеет? Дело. Самара. 2002. 17 июля).

Подчеркнем, что жесткая обязательность в русском языке может быть обозначена с помощью структурного компонента деонтической конструкции, а именно модального маркера. Так, в случае с перво-

личными конструкциями всегда категоричную директивность детерминируют лексема *обязан*, интенсифицированный маркер *не могу не* и *нельзя не*, а также предикатив *необходимо*. Остальные модальные единицы (*должен, надо, нужно, следует*) в зависимости от контекстных условий могут указывать как на жесткую, так и нежесткую обязательность.

В немецком языке деонтические конструкции оформляются с помощью модальных глаголов *müssen* и *sollen*, которые употребляются в деонтических высказываниях, обусловленных разными модальными источниками. Семантика высказывания с *müssen* охватывает все зоны директивности. В контексте уточняется причина, определяющая обязательность действий.

Ich habe keine andere Wahl, ich muss Musik machen (DWDS; Die Zeit. 2016. 30 Sept.) ‘У меня нет другого выбора, я должен заниматься музыкой’.

Модальный глагол *sollen* используется при передаче волеизъявления другого лица в я-конструкциях, которое носит характер пожелания, при этом говорящий выступает бенефициаром действия, что придает конструкции псевдосуггестивную семантику.

Sie hat mir ihre Bücher gegeben, kurz vorm Ende, und gesagt, ich soll die studieren und mein Potential nutzen, mein kreatives Potential soll ich nutzen (DWDS; Dückers T. Spielzone. 2002) ‘Незадолго до конца она отдала мне свои книги и сказала, что я должен изучить их и использовать свой потенциал, использовать свой творческий потенциал я должен’.

Псевдокомиссивность я-конструкции. При определенных условиях перволичные я-конструкции реализуют квазикоми́ссивный оттенок.

В перволичной деонтической конструкции инфинитиву соответствует отдельная предикация, отнесенная к плану будущего (ср. две предикации в структуре модальных конструкций [22, с. 94]), т. е. формально конструкция разложима на две части: *я должен к нему зайти* = *я должен* + *я зайду*. Вторая, пропозициональная, часть конструкции предиктирует к будущему, однако в отличие от формы будущего времени, выступающей языковым способом оформления комиссивности, подобная предикация не представляет собой заявление говорящего о своей готовности совершить действие: *я должен сделать* ≠ *я буду делать*. Она только указывает на то, что адресант считает, что деонтический субъект (в данном случае говорящий) в состоянии осуществить указанное пропозициональное действие. Подчеркнем, что облигаторность действия нельзя интерпретировать как принятое говорящим на себя обязательство: *я должен сделать* ≠ *я обязуюсь делать*. На основании указанного можно сделать вывод о том, что условие искренности комиссива перволичным деонтическим высказыванием не выполняется.

Однако при наличии в коммуникативной ситуации бенефициара действия или фактора интереса адресата можно утверждать, что существует квазикоми́ссивность, сопровождающаяся репрезентативностью. В таком случае предварительные условия комиссива выполняются, а именно, говорящий считает действие полезным для слушающего и адресат предпочел бы совершение говорящим действия его несовершению. При этом говорящий также демонстрирует свое желание осуществления действия, т. е. маркирует волеитивность. Сравним:

– *Приглашаю вас к столу. – Ладно, сейчас иду. Только мне надо умыться и переодеться* (НКРЯ; Грекова И. На испытаниях. 1967);

– *Я должен купить ему рояль. – Почему ты? – Если не я – никто не купит* (НКРЯ; Спивакова С. Не всё. 2002).

Прагматические отличия деонтической конструкции и языковой формы выражения прямого комиссива (формы будущего времени) позволяют функционировать им в одном контексте, что демонстрирует их семантическую разницу. Адресант сообщает при помощи деонтической конструкции об осознании необходимости и лишь затем обещает выполнить данное действие.

– *Ты ее любишь?! – воскликнула я. Он ничего не ответил. Но я понимаю: разговаривать с ним бесполезно. Я должна действовать! И я буду* (НКРЯ; Алексин А. Мой брат играет на кларнете. 1967).

Прагматика перволичных *мы*-конструкций

Иллокутивная интерпретация модальной *мы*-конструкции зависит от объема *мы*-субъекта, в котором следует различать два типа: инклюзивный (*я* + адресат) и эксклюзивный (*я* + другие/не-адресат) (см. табл. 2).

В случае эксклюзивного *мы*-субъекта, когда в его семантический объем включены неактуальные слушатели, третьи лица *мы* = *я* + *другие*, конструкция имеет характер «чистого» сообщения: *я сейчас иду на кафедру, нам* (мне + преподавателям, находящимся на кафедре) *нужно поговорить об изменениях*.

Включение адресата в семантический объем субъекта деонтики, т. е. инклюзивное *мы* (например, *я* + конкретный адресат (*ты* или *вы* (аудитория)) или *я* + широкий круг исполнителей), определяет апеллирующий характер конструкции. Следовательно, репрезентативность как основная коммуникативная цель деонтического высказывания в данных структурах сосуществует с директивностью. Адресант с помощью *мы*-конструкций сообщает идею/способ изменения положения дел и оценивает предписуемое действие как положительное и бенефактивное для всех (и для адресата(-ов), и для говорящего), базируясь на объективном основании, т. е. на деонтических источниках. Это, в свою очередь, позволяет адресанту вовлекать адресата в осознание необходимости, целенаправленно формируя у него желание действовать, иными словами, реализовывать суггестию (рекомендацию к поведению/предложение совместного действия): *нам нужно идти, нас ждут = пойдём(-те)*. Предварительное условие директива в случае инклюзивного *мы*-субъекта выполняется. Каузация адресата к действию наличествует: адресант считает, что некоторая совокупность субъектов должна совершить действие. Подобная *мы*-конструкция легко трансформируется в инклюзивный императив (*нам надо сделать = давай(-те) сделаем*) и может выступать прямым средством регуляции текущих отношений. Сравним:

– *Нам с тобой надо серьезно поговорить*. – О чем говорить? Ты все знаешь (давай поговорим. – А. С.) (НКРЯ; Есин С. Имитатор. 1985).

– *Скоро проснется бабушка. Мы должны успеть вернуться!* – Давай я тебя провожу, – сказал Колюня (НКРЯ; Варламов А. Купавна. Новый мир. 2000).

Отметим, что на основе интроспекции можно утверждать, что степень проявления директивности *мы*-конструкций зависит от того, требуется ли адресату приложить конкретные усилия для реализации пропозиционального действия или нет. Очевидно, что в конструкциях с глаголами поведенческой семантики директивность выше, чем в конструкциях с ментальными глаголами. Сравним:

– *Но для этого путешествия мы с тобой должны хорошенько подготовиться. Чтобы не было никаких неожиданностей. Мало ли что в дороге может случиться, – предостерег железный мастер* (здесь адресат должен предпринять определенные усилия. – А. С.) (НКРЯ; Постников В. Путешествие Карандаша и Самоделкина. 1995).

Мы должны помнить наше прошлое, поскольку оно связано с другими людьми (оценить какие-то конкретные действия для того, чтобы помнить, невозможно. – А. С.) (НКРЯ; Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Ч. 3. 1940).

Нам надо понять, где у нас этот самый медленный верблюд. Некоторые считают, что это административная реформа. Может быть, не отрицаю (степень усилий оценить сложно. – А. С.) (НКРЯ; Смольякова Т. Великий октябрьский пенсионный переворот. Рос. газ. 2003. 15 июля).

Конструкции с ментальными глаголами также отличаются по интенсивности проявления директивного значения. Сравним: *мы должны знать историю*, т. е. мы должны ее выучить, и *мы должны верить в светлое будущее*.

Деонтические конструкции с инклюзивным *мы*-субъектом благодаря бенефактивности, или очевидной выгоде для адресата при осуществлении необходимого действия, обогащаются особым директивным оттенком, *призывностью*, в случае функционирования в общественно значимой деятельности, например в общественно-политической коммуникации.

С призывом в армию связано сегодня много проблем, и нам надо перестроить работу военных кафедр таким образом, чтобы готовить для армии нужных ей специалистов (НКРЯ; Эффект ротации. Поиск. 2003. 12 сент.).

Включение адресата в *мы*-субъект и, следовательно, директивная семантика модального высказывания исключают возможность реализации квазикомиссивного оттенка, который при определенных условиях передается *я*-конструкциями. При этом *мы*-конструкции так же, как и *я*-конструкции, могут функционировать в одном контексте с прямым средством выражения комиссивности, формой будущего времени, оформляя одновременно и призыв, и обещание.

...То есть мы стремимся к большей сбалансированности разных отраслей. А для этого мы должны и будем создавать большие возможности для обрабатывающей промышленности (НКРЯ; Чудодеев А. Расписание на завтра. Итоги. 2003. 2 февр.).

Заклучение

Таким образом, выбор лингвистической прагматики и теории речевых актов в качестве методологической основы исследования позволяет продемонстрировать семантическое разнообразие модальных конструкций. Результаты исследования свидетельствуют о прагматической вариативности первоначальных конструкций, которая одинаково проявляется в двух исследуемых языках (немецком и русском), а также в большей степени связана с типом первоначального субъекта и в меньшей – с семантическим типом пропозиционального глагола.

Любая первоначальная конструкция выступает репрезентативом, что детерминируется автореферентностью конструкции. Коммуникативная цель данных модальных конструкций сводится к *сообщению* о необходимости совершения говорящим некоторого действия, которое способно изменить текущее состояние вещей.

Дополнительные прагматические оттенки обусловлены различными факторами. В случае с *я-субъектом* все иллокуции имеют специфический характер реализации в силу непоследовательного выполнения подготовительных условий и условий искренности. Так, *квазипрескриптивность* определяется деонтическими источниками, диктующими обязательность выполнения действия, *квазисуггестивность* определяется наличием/отсутствием воликативного компонента, т. е. фактора заинтересованности говорящего, а также формой речи (автодиалог). *Квазикомиссивность* детерминируется наличием в коммуникативной ситуации бенефициара и воликативностью говорящего. Объединение репрезентативности и квазидирективности в *я-конструкциях* позволяет говорящему выражать различные оттенки коммуникативных деонтических смыслов.

В случае с *мы-субъектом* благодаря включению адресата в объем деонтического субъекта отмечается сочетание репрезентативности с «чистой» директивностью (побуждением, рекомендацией, призывностью).

Сокращения

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.05.2021) ; **DWDS** – Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Ressource]. URL: <http://www.dwds.de> (Datum der Bewerbung: 12.06.2021).

Библиографические ссылки

1. Stubbs M. «A matter of prolonged field work»: notes towards a modal grammar of English. *Applied Linguistics*. 1986;7(1): 1–25. DOI: 10.1093/applin/7.1.1.
2. фон Вригт ГХ. О логике норм и действий. В: Смирнов ВА, составитель; Рузавин ГИ, Смирнов ВА, редакторы; Муравицкий АЮ, переводчик. *Логико-философские исследования*. Москва: Прогресс; 1986. с. 245–289.
3. Ивин АА. Определения алетических и деонтических модальных функторов в терминах материальной импликации и констант. В: Таванец ПВ, редактор. *Неклассическая логика*. Москва: Наука; 1970. с. 113–124.
4. Weidner A. *Die russischen Übersetzungsäquivalente der deutschen Modalverben. Versuch einer logisch-semantischen Charakterisierung*. München: Sagner; 1986. 336 S.
5. Бондарко АВ. *Грамматическое значение и смысл*. Ленинград: Наука; 1978. 175 с.
6. Kotin ML. Zu den Affinitäten zwischen Modalität und Aspekt: eine germanischslawische Fallstudie. *Die Welt der Slawen*. 2008;53:116–140.
7. Leiss E. The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: a chapter in diachronic typology. In: Abraham W, Leiss E, editors. *Modality – aspect interfaces: implications and typological solutions*. Amsterdam: John Benjamins; 2008. p. 15–41.
8. Падучева ЕВ. *Русское отрицательное предложение*. Москва: Языки славянской культуры; 2013. 304 с.
9. Шатуновский ИБ. *Семантика предложения и нереферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика*. Москва: Школа «Языки русской культуры»; 1996. 399 с.
10. Булыгина ТВ, Шмелев АД. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Школа «Языки русской культуры»; 1997. 576 с.
11. Кобозева ИМ, Лауфер НИ. Семантика модальных предикатов долженствования. В: Арутюнова НД, редактор. *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Москва: Наука; 1991. с. 169–175.
12. Лауфер НИ. Предикативы со значением необходимости: статистика и семантика (корпусное исследование). В: Иомдин Л, Лауфер НИ, Нариньяни АС, Селегея ВП, редакторы. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог–2007»; 30 мая – 3 июня 2007 г.; Бекасово, Россия*. Москва: Издательство РГГУ; 2007. с. 353–358.
13. Diewald G. *Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polyfunktionalität*. Tübingen: Max Niemeyer; 1999. 464 S.
14. Palmer FR. *Modality and the English modals*. London: Longman; 1979. 196 p.
15. Perkins MR. *Modal expressions in English*. Norwood: Ablex; 1983. 200 p.
16. Серль ДжР. Классификация иллокутивных актов. В: Городецкий БЮ, редактор; Демьянков ВЗ, переводчик. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов*. Москва: Прогресс; 1986. с. 170–195.

17. Вежбицка А. *Язык. Культура. Познание*. Кронгауз МА, редактор. Москва: Русские словари; 1996. 416 с.
18. Gévaudan P. Sprachliche Modalität zwischen Illokution und Polyphonie. *Romanistisches Jahrbuch*. 2011;61(1):32–66. DOI: 10.1515/9783110236323.31.
19. Беляева ЕИ. *Грамматика и прагматика побуждения: английский язык*. Воронеж: ВГУ; 1992. 168 с.
20. Баранов АН. *Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика*. Москва: Флинта; 2007. 592 с. Совместно с издательством «Наука».
21. Золотова ГА, Онипенко НК, Сидорова МЮ. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова; 1998. 528 с.
22. Зализняк АА, Падучева ЕВ. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте. В: Арутюнова НД, редактор. *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. Москва: Наука; 1989. с. 92–115.

References

1. Stubbs M. «A matter of prolonged field work»: notes towards a modal grammar of English. *Applied Linguistics*. 1986;7(1): 1–25. DOI:10.1093/applin/7.1.1.
2. von Wright GH. *Explanation and understanding*. New York: Cornell University Press; 1971. 230 p. (Contemporary philosophy series).
- Russian edition: von Wright GH. О логике норм и деиствii. In: Smirnov VA, compiler; Ruzavin GI, Smirnov VA, editors; Muravitskii AYU, translator. *Logiko-filosofskie issledovaniya*. Moscow: Progress; 1986. p. 245–289.
3. Ivin AA. [Definitions of alethic and deontic modal functors in terms of material implications and constants]. In: Tavanets PV, editor. *Neklassicheskaya logika* [Non-classical logic]. Moscow: Nauka; 1970. p. 113–124. Russian.
4. Weidner A. *Die russischen Übersetzungsäquivalente der deutschen Modalverben. Versuch einer logisch-semantischen Charakterisierung*. München: Sagner; 1986. 336 S.
5. Bondarko AV. *Grammaticheskoe znachenie i smysl* [Grammatical meaning and sense]. Leningrad: Nauka; 1978. 175 p. Russian.
6. Kotin ML. Zu den Affinitäten zwischen Modalität und Aspekt: eine germanischslavische Fallstudie. *Die Welt der Slawen*. 2008;53:116–140.
7. Leiss E. The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: a chapter in diachronic typology. In: Abraham W, Leiss E, editors. *Modality – aspect interfaces: implications and typological solutions*. Amsterdam: John Benjamins; 2008. p. 15–41.
8. Paducheva EV. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2013. 304 p. Russian.
9. Shatunovskij IB. *Semantika predlozheniya i nereferezentnye slova: znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika* [Sentence semantics and non-referential words: meaning, communicative perspective, pragmatics]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; 1996. 399 p. Russian.
10. Bulygina TV, Shmelev AD. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualisation of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; 1997. 576 p. Russian.
11. Kobozeva IM, Laufer NI. [Semantics of Modal Must Predicates]. In: Arutyunova ND, editor. *Logicheskij analiz yazyka. Kul'turnye koncepty* [Logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow: Nauka; 1991. p. 169–175. Russian.
12. Laufer NI. [Predicatives with the meaning of necessity: statistics and semantics (corpus research)]. In: Iomdin L, Laufer NI, Narin'yan AS, Selegeya VP, editors. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2007»; 30 maya – 3 iyunya 2007 g.; Bekasovo, Rossiya* [Computer linguistics and intelligent technologies: Proceedings of the International conference «Dialogue–2007»; 2007 May 30 – June 3; Bekasovo, Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta; 2007. p. 353–358. Russian.
13. Diewald G. *Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polyfunktionalität*. Tübingen: Max Niemeyer; 1999. 464 S.
14. Palmer FR. *Modality and the English modals*. London: Longman; 1979. 196 p.
15. Perkins MR. *Modal expressions in English*. Norwood: Ablex; 1983. 200 p.
16. Searle JR. [Classification of illocutionary acts]. In: Gorodetsky BYu, editor; Demyankov BZ, translator. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Moscow: Progress; 1986. p. 170–195. Russian.
17. Vejbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Krongauz MA, editor. Moscow: Russkie slovari; 1996. 416 p. Russian.
18. Gévaudan P. Sprachliche Modalität zwischen Illokution und Polyphonie. *Romanistisches Jahrbuch*. 2011;61(1):32–66. DOI: 10.1515/9783110236323.31.
19. Belyaeva EI. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: angliiskii yazyk* [Grammar and pragmatics of motivation: English]. Voronezh: Voronezh State University; 1992. 168 p. Russian.
20. Baranov AN. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta. Teoreticheskie osnovaniya i praktika* [Linguistic examination of the text. Theoretical foundations and practice]. Moscow: Flinta; 2007. 592 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
21. Zolotova GA, Onipenko NK, Sidorova MJu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1998. 528 p. Russian.
22. Zaliznyak AA, Paducheva EV. [Propositional attitude predicates in modal context]. In: Arutyunova ND, editor. *Logicheskii analiz yazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [Logical analysis of language. Problems of intensional and pragmatic contexts]. Moscow: Nauka; 1989. p. 92–115. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.10.2021.
Received by editorial board 07.10.2021.